

Жена мэра с болью в сердце погладила его по щеке и, глядя на Цзинь Жуя, сказала:

— Молодой господин Цзинь, в этом деле нам всё-таки нужно дать какое-то объяснение.

Цзинь Жуй ничего не ответил, а вместо этого повернулся к лежащему на кровати Шангуань Цзиньмину.

Шангуань Цзиньмин вздрогнул, отвернулся от взгляда Цзинь Жуя и промолчал.

Шангуань Цзиньшэн, взглянув на выражение лица младшего брата, сразу понял, что тут что-то нечисто.

С мрачным видом он уставился на него и спросил:

— Минмин, что на самом деле здесь произошло?

Шангуань Цзиньмин с детства никого не боялся, кроме своего старшего брата Шангуань Цзиньшэна. Со стороны тот казался улыбчивым и обычно выполнял большинство просьб, но если он по-настоящему выходил из себя, то его наказания запоминались на всю жизнь.

В детстве младший брат не раз получал от него взбучку, и теперь, увидев потемневшее лицо Шангуань Цзиньшэна, он от страха даже затрясся.

— Я... я просто пошутил с ним, — пролепетал он, запинаясь.

Шангуань Цзиньшэн нахмурился, глядя на Шангуань Цзиньмина. Он знал характер своего брата — эта «шутка» никак не могла быть простой и безобидной. Хотя он и хотел бы встать на сторону брата, но Цзинь Жуй сейчас стоял рядом, и нужно было сохранять видимость справедливости.

К тому же... судя по тому, как Цзинь Жуй относился к тому Хэ Дачжуану, он вряд ли позволит этому делу просто так сойти на нет. Лучше разобраться сейчас, пока Шангуань Цзиньмин лежит в больничной койке, — так хоть какие-то преимущества останутся.

— Что именно ты сказал? Повтори слово в слово! — приказал он.

Шангуань Цзиньмин, увидев мрачное лицо старшего брата, испугался и вжался в объятия матери. Откуда ему было знать, что Хэ Дачжуан находится под защитой Цзинь Жуя? Если бы он знал, то ни за что не стал бы его трогать.

Он только перевёлся в Первую среднюю школу и не был большим любителем учёбы. Целыми днями он бездельничал, от скуки ухлёстывал за девчонками и слушал всевозможные сплетни. Его статус, конечно, избавлял от необходимости самому что-то выяснять — стоило ему лишь проявить интерес к какой-то слушке, как на следующий день у него уже был неиссякаемый поток сплетен, чтобы убить время.

И история про Хэ Дачжуана была одной из таких.

Сплетни есть сплетни — они становятся ими именно из-за домыслов и преувеличений. Так что то, что он услышал, сводилось к тому, что Хэ Дачжуан — мерзкий гомосексуал, который любит заигрывать с мальчиками и похотливо поглядывает на проходящих мимо мужчин. А ещё он, пользуясь связями с Цзинь Жуюем, начал расхаживать по школе как хозяин.

Шангуань Цзиньмин, услышав такое, сразу возмущился. Как можно было позволить кому-то

вести себя так на его территории? В его отсутствие — ладно, но раз уж он здесь, то именно он хозяин в этой школе.

Поэтому он заинтересовался этим Хэ Дачжуаном, ведь он хотел сбросить его с небес в ад.

Собравшись с приятелями, они обсудили план: сначала записать признание Хэ Дачжуана в том, что он гомосексуал, затем избить его, а потом разослать запись на телефоны всем в школе, чтобы он опозорился и не смог больше здесь оставаться.

Как раз приближался вечер встречи первокурсников, и они решили назначить осуществление плана на этот день.

Дальнейшие события Шангуань Цзиньмин тоже подробно, ничего не утаивая, изложил Шангуань Цзиньшэну.

Хотя он говорил с запинками, это не помешало всем понять суть произошедшего.

Лицо жены мэра выразило смущение, а лицо Шангуань Цзиньшэна стало ещё мрачнее.

На лице Цзинь Жуй не было никаких эмоций, но от него исходил такой холод, что Шангуань Цзиньмин не переставал дрожать.

Мать мэра, хотя и считала, что её сына избили слишком жестоко за простую шутку, понимала, что её сын был неправ. Теперь он лежит здесь, так что, наверное, можно считать, что они квиты.

Шангуань Цзиньшэн, гневно уставившись на младшего брата, рявкнул:

— Сиди тут смирно, я ещё разберусь с тобой позже.

Затем он повернулся к Цзинь Жую, и его грозное выражение лица смягчилось.

— Выйдем поговорим?

Цзинь Жуй кивнул жене мэра, развернулся и вышел из палаты.

Хэ Дачжуан сидел на скамейке в коридоре, опустив голову, и, казалось, о чём-то размышлял.

Цзинь Жуй подошёл и, остановившись перед ним, произнёс глухим голосом:

— Вставай.

Хэ Дачжуан поднял взгляд, мельком глянул на него и нехотя поднялся.

Цзинь Жуй взял его за подбородок, заставив поднять голову, и, уставившись на его всё ещё распухшее лицо, молчал, но его взгляд словно допрашивал: кто это сделал?

Хэ Дачжуан промолчал, отводя взгляд и не желая на него смотреть.

Цзинь Жуй резко отпустил его лицо, схватил за руку и поволок за собой в кабинет врача.

Шангуань Цзиньшэн шёл следом, глядя на их крепко сжатые руки, и задумался.

Цзинь Жуй велел врачу осмотреть лицо Хэ Дачжуана. Тот нахмурился, неохотно, но

промолчал.

Пока врач осматривал Хэ Дачжуана, Цзинь Жуй пару секунд понаблюдал, а затем повернулся к стоящему в стороне Шангуань Цзиньшэну.

Шангуань Цзиньшэн улыбнулся Цзинь Жую и, глядя на Хэ Дачжуана, спросил:

— С ним всё в порядке?

Цзинь Жуй мельком взглянул на Хэ Дачжуана, и на его лице промелькнула тень досады.

— Всё в порядке.

Шангуань Цзиньшэн едва заметно приподнял бровь и с улыбкой сказал:

— Не переживай, дети всегда дерутся. Как говорится, в драке знакомятся. Может, после этого они даже подружатся.

Цзинь Жуй усмехнулся, не ответив на это, и сказал:

— Все расходы на твоего брата я беру на себя. Но на этом всё.

Уголки губ Шангуань Цзиньшэна напряглись. Не из-за того, что его брата избили и он не мог потребовать справедливости, а из-за того, что Цзинь Жуй так явно встал на защиту. Это было... неожиданно.

Он хорошо знал, что за человек Цзинь Жуй, ведь они были одного типа. И именно потому, что знал слишком хорошо, это казалось ему... невероятным.

Даже если бы Шангуань Цзиньмин лежал там без сознания, даже если бы его избили до полусмерти, он сам не стал бы проявлять слишком много эмоций. Называйте его холодным, называйте бессердечным, но такие, как они, с рождения были лишены многих вещей.

А Цзинь Жуй, который был ещё более холодным и бесчувственным, чем он, теперь лишь из-за того, что кого-то ударили по лицу, позволил сорвать с себя маску.

Видимо, этот Хэ Дачжуан значил для него больше, чем можно было предположить, и это пробудило в Шангуань Цзиньшэне любопытство.

— О чём ты говоришь? Ведь это Минмин был неправ, зачем тебе беспокоиться? Ладно, ладно, это не такая уж важная вещь, забудем об этом.

Раз Шангуань Цзиньшэн сказал забыть, Цзинь Жуй тоже не стал настаивать и повернулся к врачу.

Врач уже нанес мазь на лицо Хэ Дачжуана и сказал, что если отдохнуть дома ночь, то к утру опухоль спадёт. Цзинь Жуй кивнул, взял Хэ Дачжуана за руку, кивнул Шангуань Цзиньшэну и направился к выходу из больницы.

Шангуань Цзиньшэн смотрел им вслед, и на его лице играла улыбка.

Едва вернувшись домой, Цзинь Жуй поволок Хэ Дачжуана прямо в комнату и швырнул его на кровать.

Хэ Дачжуан от удара почувствовал головокружение, а его избитое лицо задело за постель, отчего он поморщился от боли.

Не успев опомниться, он почувствовал, как Цзинь Жуй навалился на него сверху.

Лицо Хэ Дачжуана сжали с силой, и он резко втянул воздух от боли.

Цзинь Жуй, сжимая его лицо, смотрел на него сверху вниз:

— Больно?

Хэ Дачжуан нахмурился, не понимая, что опять стряслось с этим человеком.

Цзинь Жуй отпустил его лицо и начал мягко поглаживать — так нежно, словно это была драгоценность. Но он гладил именно распухшую щёку Хэ Дачжуана, и как бы ни был лёгок прикосновение, оно всё равно причиняло боль.

Хэ Дачжуан хмурился, уставившись на Цзинь Жуя и не говоря ни слова.

Цзинь Жуй поглаживал его долго, прежде чем, наконец, остановиться. Опустив глаза, он спросил:

— Кто ударил?

Хэ Дачжуан нахмурился ещё сильнее, не понимая, что тот имеет в виду.

Цзинь Жуй уставился на явный отпечаток женской ладони:

— Почему не уклонился?

Хэ Дачжуан отвёл взгляд, не желая встречаться с ним глазами. Почему не уклонился? Потому что не хотел.

Цзинь Жуй, видя его безразличный вид, мрачно произнёс:

— Что ты задумал?

Хэ Дачжуан не хотел его слушать. Что он задумал? Он и сам не знал. Просто ему было противно, он не хотел видеть Цзинь Жуя.

Возможно, всё из-за тех слов, что он услышал. Они заставили его невольно вспомнить о себе — ведь он и вправду был таким же мерзким человеком, как они говорили.

Его игнорирование мгновенно разожгло гнев Цзинь Жуя, и тот начал стаскивать с него одежду.